

Известно мнение одного ирландца,
что Бог, чей разум никогда не спит,
хранит в себе любое сновиденье,
и каждый сад, и всякую слезу.
Неверный день, и полутьма повсюду.
Пойми я, что осталось ото сна,
который снился мне, и что в нем
снилось, я бы понял все.

*Хорхе Луис Борхес
«Забывший сон»*

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Обычно все начинается с телефонного звонка, который разрывает тишину и переводит время в другое измерение. И на этот раз, когда зазвонил телефон, стало понятно, что кто-то уже знает о его возвращении в Москву...

Он прилетел из Рима прямым рейсом «Аэрофлота». Вообще в последнее время его привычки вдруг стали претерпевать неожиданные изменения. Раньше он предпочитал летать в Рим только «Люфтганзой» через Мюнхен или Франкфурт. Кроме известной немецкой авиакомпании выбирал еще и «Бритишайруэйз», однако в последние годы стал пользоваться и другими авиа-

компаниями, лишь бы добраться по прямой из одной точки в другую. Правда, не всегда короткий путь оказывался наиболее удобным. В последний раз в августе самолет «Эйр-Франс» вылетел из Мадрида с трехчасовым опозданием и попал в невероятную «болтанку». В салоне невозможно было устоять на ногах. Он попытался подняться и чуть не упал. Рядом кричали и плакали пассажиры. Некоторые молились. Рейс из Мадрида в Париж показался в связи с этим невероятно долгим, а когда они наконец приземлились, выяснилось, что пропал его чемодан. Чемодан нашли через несколько дней, но неприятный осадок от этого путешествия остался надолго.

Впрочем, в жизни стремительно меняется все, не только человеческие привычки. Прежние отели «Хилтон», когда-то служившие надежным ориентиром роскоши и высокого качества обслуживания, незаметно превратились в малопривлекательные гостиницы с плохим персоналом. Особенно в Великобритании, где корпорация купила сеть отелей «Стакис», переделав их в «Хилтон». Марки одежды, которые прежде Дронго нравились, стали чуть ли не символами халтуры. Одежда от Пьера Кардена, производимая в Турции и в Китае, уже давно вызывает просто смех. Марка Ив Сен-Лорана в

новом веке совсем утратила свою былую славу. Вместо роскошного и пышного Ферре в доме Кристиана Диора теперь царит молодежная мода, которую он не хочет понимать и принимать. Проданы марки Кензо и Дживанши. Одним словом, мир вокруг стремительно меняется, как видоизменяются и сами города, в которых он живет. Меньше других, пожалуй, меняется Рим, по-прежнему сохраняющий очарование тысячелетних руин и отталкивающий своей обычной безалаберностью и бесхозяйственностью, из-за которых рассыпающиеся старые здания соседствуют с величественными памятниками древних веков.

А более всего за последние годы изменилась Москва, особенно в центре. Вместо прежней гостиницы «Интурист» возводят новое здание, а вместо прежней «Москвы», успевшей стать таким же символом города, как Кремль и Большой театр, образовалось пустое пространство. В газетах всерьез обсуждают возможность сноса и другой гостиницы — «Россия», бывшей таким же символом советской эпохи.

Дронго с грустью воспринимал подобные новости. Создавалось впечатление, будто сносят памятники его юности и молодости. Он хорошо помнил, как совсем маленьким приходил вместе с отцом на строительство гостиницы

«Россия», как потом много раз останавливался в ней, приезжая в многочисленные столичные командировки, как встречался там с женщинами, которых любил. А теперь эта громада почему-то должна исчезнуть, как канула в Лету легендарная «Москва», с которой тоже была связана большая часть его жизни.

Изменился и Баку. Старый город теперь превращен в царство новых офисов, где известные строители возвели новые дома на месте столетних фундаментов, безжалостно уничтожив прежние строения. Самое обидное, что среди людей, получивших разрешение на строительство в старом городе, было много коренных жителей Баку, казалось бы, обязанных защищать его историческое и архитектурное наследие. Вокруг старого города тоже выросли новые дома. Бессовестная власть давила на архитекторов, заставляя их принимать и подписывать чудовищные по своему замыслу решения, когда перед двадцатиметровым памятником возникает новое здание или появляются высотки, которые заслоняют живущим по соседству людям солнце и небо. Безжалостно разрушаются продуманные площади и скверы, вырубаются деревья, сносятся старые бакинские дворы.

Дронго по-прежнему жил странной жизнью

на три дома: в Риме его ждала Джил и дети, в Баку оставались родители, а в Москве у него была работа, которой он иногда позволял себе заниматься. В этом было что-то иррациональное, невозможное, но в то же время это была единственно возможная ситуация, в которой он мог существовать, не опасаясь постоянно, что кто-то использует его родных и близких.

Иногда ему казалось, что жизнь, сложившаяся таким невероятным образом, может служить примером для других, как не нужно устраивать свою судьбу. Он часто встречал знакомых и друзей по прежней жизни, которые остались в прошлом. Иногда это бывали достаточно забавные, интересные встречи. Иногда — не очень. Образ его жизни требовал знания многих людей, их привычек, особенностей характеров, внимательного анализа их поступков. Но чем больше Дронго узнавал людей, тем более становился замкнутым и мрачным. Знания умножают скорбь — эту истину он освоил еще много лет назад.

В этот вечер Дронго принял горячий душ и уселся в кабинете, чтобы проверить последнюю почту, поступившую по Интернету, когда раздался телефонный звонок. Он невольно поморщился, глянув на часы, поскольку не любил неожиданных звонков. Они всегда несут разру-

шение, выбивая из привычной колеи. Вот и теперь вроде бы никто не знает, что он прилетел в Москву, и тем более никто не должен звонить ему в половине десятого вечера. Никто, кроме...

Наконец он ответил. И услышал знакомый голос своего друга и напарника Эдгара Вейдеманиса:

— Здравствуй, Дронго.

— Добрый вечер. Откуда ты узнал, что я прилетел? Ты звонил Джил?

— Нет. Я сделал проще: позвонил твоему водителю и узнал, когда ты прилетаешь. Ты ведь по-прежнему не любишь сам садиться за руль. А Леня Кружков заказал для тебя VIP-зал.

— Мне следовало догадаться, — ворчливо заметил Дронго, — кажется, я теряю квалификацию. Если так пойдет и дальше, придется предупредить водителя и Леню, чтобы никому не говорили о времени моего возвращения.

— Они никому и не говорят, — не обиделся Эдгар, — только мне. Они считают, что я единственный человек, которому ты иногда можешь доверять.

— Не нужно обижаться. Я говорю вообще и на будущее.

— А я говорю только о тебе.

— Знаю. Что-нибудь случилось?

— Я бы не стал тебя сегодня беспокоить, — сказал Эдгар, — но меня просили об этом звонке все последние дни. Точнее, две недели. Только я не хотел звонить тебе в Италию — ты так редко вырываешься к ним.

— Кто просил?

— Моя мать...

— Это серьезно, — Дронго, тяжело вздохнув, переложил трубку в другую руку. — У вас в семье проблемы?

— Нет. Слава богу, все нормально. К нам из Риги приехала сестра моей матери. Еще две недели назад. И привезла свою родственницу по мужу. Мы люди не сентиментальные, ты знаешь, но их история потрясла всю нашу семью...

— Это она хочет встретиться со мной?

— Да. И очень хочет. Уже две недели ждет, когда я ей позвоню, чтобы приехать.

— Она не в Москве?

— Нет. Вернулась в Ригу. Но у нее есть виза. Если ты разрешишь, я позвоню ей прямо сейчас, и завтра днем она будет здесь.

— Неужели это так срочно?

Вейдеманис чуть запнулся, словно решая, говорить ему или нет. Наконец сказал:

— У нее почти не осталось времени. Ты меня понимаешь?

— Не совсем. В каком смысле?

— Она больна. Тяжело больна. И ей нужна срочная встреча с тобой. Она искренне верит, что только ты сможешь ей помочь.

— Эдгар, что случилось? — ошеломленно спросил Дронго.

— Врачи считают, что ей осталось жить не больше двух или трех месяцев. От силы. Поэтому для нее очень важен каждый день. Но я не мог звонить тебе в Италию с такой просьбой.

Дронго оценил деликатность друга и его терпение.

— Хорошо, — согласился он, — завтра жду твою знакомую вместе с тобой. Не нужно было столько ждать, мог бы мне позвонить и рассказать обо всем.

Эдгар промолчал. Он вообще не любил лишних слов. И часто его молчание было красноречивее любых речей.

— Спасибо, — наконец произнес он, и Дронго положил трубку.

Он прошел в гостиную и включил телевизор. Через минуту должны были начаться последние новости. Дронго уселся на диван и откинул голову. «Все начинается с телефонного звонка», — в очередной раз подумал он...

ГЛАВА 1

На следующий день в три часа дня Дронго принимал в своей квартире Эдгара Вейдеманиса и пришедшую с ним женщину. На вид ей было не больше пятидесяти. Чуть выше среднего роста, изящная, хрупкая, с тонкими чертами лица, одетая в строгий темный костюм. Она подала ему сухую узкую ладонь. У нее были длинные аристократические пальцы и глубоко запавшие глаза с той грустинкой, которая бывает у обреченных больных. Дронго пожал руку гостыи и пригласил их в гостиную.

Он обратил внимание на то, как она прошла в комнату, как чуть заколебалась, выбирая, куда ей сесть — в кресло или на диван. Это был своеобразный тест хозяина квартиры. Индивидуалисты обычно предпочитают кресло, другие выбирают диван. Она посмотрела на диван и усе-

лась в кресло. Эдгар, знавший об этом своеобразном тесте, усмехнулся и выбрал диван. Дронго уселся в кресло напротив.

— Простите, что вынуждаю вас заниматься моими личными проблемами, — несколько взволнованно и церемонно проговорила гостья.

— Мне рассказали, что вы хотели со мной увидеться, — Дронго внимательно следил за ее поведением. Она нравилась ему своей сдержанностью и интеллигентностью.

— Меня зовут Лилия Краулинь, — представилась женщина, — я приехала из Риги. — По-русски она говорила без характерного латышского акцента. Женщина взглянула на стоящие перед ней на небольшом столике бутылки и вдруг попросила: — У вас есть вода? Обычная вода, без газа?

— Конечно. — Дронго открыл бутылку минеральной воды «Виттель» и, наполнив стакан, протянул его гостье. Посмотрел на Эдгара, но тот отрицательно покачал головой.

— Извините, — она сделала только два глотка и поставила стакан на столик.

Дронго терпеливо ждал.

— Мне трудно об этом говорить, — вдруг призналась женщина. — Дело в том, что в девяносто третьем году погиб мой муж. Арманд Краулинь. Это случилось одиннадцать лет на-

зад. Мне тогда было тридцать девять. — Она поправила волосы и продолжила: — Ему было сорок четыре, он был достаточно известный человек не только в Риге, но и вообще в бывшем Советском Союзе. В молодости работал секретарем ЦК комсомола Латвии, потом мы поехали работать в Европу, как тогда говорили. В девятносто первом вернулись. Арманд начал заниматься бизнесом, и достаточно успешно. Однако затем начались проблемы. И в конце девяносто третьего его не стало... Мы прожили вместе почти двадцать лет. — Она взглянула на стакан с водой, но не дотронулась до него.

Дронго терпеливо ждал.

— Он повесился, — сообщила Лилия Краулинь, чуть запнувшись. Было заметно, как она волнуется. — Арманды нашли в доме его отца — в их прежней квартире. Полиция и прокуратура пришли к выводу, что это было самоубийство. Нашли его смятую записку, в квартире никого не было, двери и окна были запорты изнутри. Дверь открыли снаружи запасными ключами. Это сделали дежурный консьерж и пришедшая в этот момент к мужу сотрудница фирмы. Они и обнаружили Арманды. Я думала, что сойду с ума, не хотела никому верить, попала на два месяца в больницу, — женщина все-таки взяла стакан воды и сделала еще два глотка. — Все

считали, что это было самоубийство. Все, кто там был. Ведь об этом свидетельствовали его записка, двери, запертые изнутри, сидевший внизу консьерж. Я не верила, жаловалась, писала в полицию, что этого не могло быть. Меня убеждали все — врачи, следователи, прокуроры, полицейские, даже мои родные. Но я не хотела этого признавать. Я знала Арманда, он был сильный, мужественный, смелый человек. Он не мог решиться на такой поступок. Однажды мы с ним говорили о самоубийствах, и он тогда утверждал, что это проявление трусости. Поэтому я и не верила, все эти годы не верила.

— Извините, что я вас спрошу. Вскрытие было?

— Конечно, было. И не только вскрытие. Через четыре года я настояла на эксгумации тела. Это было так страшно. Мне объяснили, что я обязана приехать и присутствовать лично. Меня до сих пор мучают кошмары. Я потеряла сознание прямо на кладбище. Но повторная экспертиза ничего не дала. Только подтвердила прежнюю версию о самоубийстве.

Эдгар нахмурился. Дронго подумал, что сидящая перед ним женщина пережила настоящую трагедию.

— С тех пор прошло столько лет, — задумчиво произнесла Лилия, — но мне иногда ка-

жется, что с тех пор я по-настоящему даже не жила. Только воспоминаниями о муже. Сейчас я понимаю, что мы были очень счастливы. Думаю, это были самые лучшие годы не только в моей жизни, но, возможно, и в его. И вдруг все кончилось так внезапно. А теперь я вспоминаю нашу совместную жизнь, как давно забытый сон.

Она открыла сумочку, заглянула в нее и закрыла, словно передумав достать нужную ей вещь.

— Простите меня, — нерешительно произнесла гостья, — у вас нет сигарет?

— Я не курю, — ответил Дронго, — извините.

Она посмотрела на Эдгара, и тот тоже покачал головой.

Очевидно, Лилия искала сигареты, которых в ее сумочке не оказалось.

— Простите, — сказала она, — врачи не разрешают мне курить, считая, что это может сократить мне жизнь, — Лилия неожиданно грустно улыбнулась и добавила: — Вам, наверное, уже сказали, почему я так тороплюсь? Мне осталось жить не более двух или трех месяцев. Так говорят специалисты. Они нашли у меня неопераруемую опухоль мозга. Я только удивляюсь, почему так поздно. Все эти годы я мечтала умереть. У меня не хватало решимости по-

мочь самой себе. Я помнила слова Арманда. Мне кажется, у Бога очень странный юмор. А вот в тот момент, когда я более всего хочу жить, выяснилось, что мои мольбы сбылись. Или это шутки дьявола?

— Если хотите, я позвоню водителю, и он привезет вам сигареты, — предложил Дронго.

— Не нужно. Если вы не курите, то мне не стоит здесь дымить. — Она посмотрела ему в глаза. — Я пришла к вам в поисках высшей справедливости, если хотите. Не знаю, есть ли Бог и увижусь ли я на том свете с Армандом, но на этом я хочу справедливости. Мне важно найти убийцу моего мужа.

— У вас появились новые данные насчет его смерти? — понял Дронго.

— Да, — кивнула она, сжимая в руках свою сумочку. Было заметно, что она волнуется все сильнее. — Дело в том, что Арманда нашли в комнате, выходящей во двор. Все окна были закрыты изнутри, полиция проверила каждое из трех окон. Это тоже было подозрительно, потому что там работали маляры, и они должны были оставить окна открытыми, чтобы проветрить помещение. А сейчас в этом особняке начали реконструкцию и за подоконником неожиданно нашли вот это. — Она открыла сумочку и, достав небольшой предмет, протянула его Дрон-

го. Тот поднял руку, и неизвестный предмет упал ему на ладонь. Это оказалась запонка, достаточно крупная, черная с золотым ободком. Одна запонка, без второй.

— Когда Арманда нашли, он был в рубашке, на которой была только одна запонка, — пояснила Лилия, — только одна, а второй нигде не нашли, хотя они обыскали всю комнату и вообще всю квартиру. Тогда никто не придавал этому значения, но я помнила, что вторую запонку так и не нашли. А вот теперь ее обнаружили за подоконником, в стенном проеме. Она лежала там одиннадцать лет, и когда начали менять окна, наткнулись на нее, привезли ее мне.

Дронго рассмотрел запонку и вернул ее гостю.

— Вы можете себе представить, чтобы самоубийца решил выбросить одну запонку и затем повеситься? — с неожиданным вызовом спросила Лилия. — Меня эта находка убеждает, что в этой комнате что-то произошло. Я в этом абсолютно уверена. Возможно, они дрались или Арманд сопротивлялся, и запонка при этом отлетела в окно. А потом окно закрыли, хотя никаких отпечатков полиция не нашла. Никаких, понимаете? Это тоже было очень странно. Если Арманд открывал окно и был единственным человеком в комнате, то почему на ручке не оста-

лось отпечатков его пальцев? Кто их мог вытереть? Получается, что в комнате был кто-то еще. Чужой.

— А если запонка вылетела давно и он не открывал окна? — предположил Дронго.

— Этого не могло быть, — уверенно возразила Лилия, положив драгоценную реликвию в сумочку, — каждое утро Арманд надевал свежую рубашку, и в этот день выбрал именно эти запонки.

— Подождите, я не совсем понимаю. Это была не ваша квартира? В доме, где произошло самоубийство?

— Нет. Это была квартира его родителей. Как хорошо, что они не дожили до этого дня! Арманд сделал шикарный ремонт и собирался сдавать квартиру. Большая просторная квартира, пять комнат. Его отец был известным в городе врачом, к нему приезжали на консультации даже из Москвы и Ленинграда, простите, сейчас Санкт-Петербурга. Они жили в этой квартире вдвоем — Арманд рано потерял мать. А тогда, собираясь сдавать квартиру отца, он, перевозя все его вещи к нам домой, сделал там евроремонт и поменял всю мебель. Это очень известный особняк в Риге, там внизу даже дежурил консьерж.

— Консьерж? — удивился Дронго. — Зна-

чит, он мог видеть, кто приходил в этот день к вашему мужу?

— Никто не приходил, — с некоторым ожесточением заявила Лилия. — Этого дежурного допрашивали пять раз. Я предлагала ему любые деньги, чтобы он сказал мне, кто еще побывал в тот день в квартире отца Арманда. Но он меня уверял, что никого не было. Ни одного человека, кроме сотрудницы моего мужа. Консьерж вместе с ней поднялся наверх, и они вместе долго стучались. А потом консьерж принес запасные ключи и открыл дверь. Муж оставлял ему ключи для рабочих. Ремонт был почти закончен. Оставались лишь некоторые проблемы с сантехникой.

— Консьерж этот тот самый дежурный, о котором вы говорили?

— Да. Николай Рябов, дежурный, сидевший внизу. Он открыл дверь, и они нашли моего мужа.

— А сам Рябов не мог оказаться замешанным в этом деле? — поинтересовался Дронго. — Ведь у него были ключи от квартиры. Он мог имитировать самоубийство, затем закрыть дверь, дожидаясь, когда появится сотрудница вашего мужа.

— Я тоже об этом думала, — призналась гостья, — но он не мог этого сделать. Рябов быв-

ший сотрудник железной дороги. Он потерял ногу еще в семьдесят девятом году. Инвалид. Такой человек не смог бы справиться с Армандом. Это невозможно...

— А может, он передал кому-то ключи и «забыл» рассказать об этом следователям?

— Нет, — Лилия тяжело вздохнула, взяла стакан воды и залпом его допила. Поставив стакан на место, продолжила: — Он был все время на своем месте и никуда не отлучался. В доме, кроме квартиры отца Арманда, еще восемь квартир. По утрам жильцам приносили газеты, письма, сообщения. И Рябов никуда не уходил. Его видели почтальон и курьер, который привез письмо одному из соседей. А самое страшное, что рядом с домом, метрах в пятидесяти от него, стояла полицейская машина с двумя офицерами. И они тоже не видели посторонних.

— Это все очень серьезно, — пробормотал Дронго. — Позвольте мне сделать краткий обзор вашего рассказа. Значит, в то утро ваш муж вышел из дома, надев те самые запонки. Он отправился в квартиру своего отца, имея собственные ключи. Рябов видел, как он входил в дом?

— Конечно. Они поздоровались. Муж оставил свою машину рядом с домом. И поэтому его

сотрудница была уверена, что он находится в этой проклятой квартире.

— А почему сотрудница появилась у него дома? Они заранее договаривались о встрече?

— При мне. Это его помощница. Она жила на соседней улице, и Арманд попросил ее занести ему какое-то письмо из банка. Вы понимаете, почему я никогда не верила в его самоубийство? Не может человек вызывать свою помощницу, зная, что собирается повеситься...

— Она принесла ему какие-то важные документы?

— Да. Я хочу быть откровенной. Банк требовал погашения крупной ссуды, которую взяла фирма моего супруга. Он знал об этом письме. Следователь сказал, что у Арманда были финансовые проблемы, но я в это не верю. Потом его заместитель сумел разрулить все проблемы и даже выплатить мне часть дивидендов. И на эти деньги я жила все эти годы. Или делала вид, что жила.

— Какую записку написал ваш супруг перед смертью?

— Только три слова «Мне очень жаль». И поставил точку. Больше ничего. Только три проклятых слова. Я не могу понять, как он решился на такой невероятный поступок. И не верю в это до сих пор.

Некоторое время в комнате царила тишина.

— Вы знаете, а я начинаю понимать доводы следователей, — мягко заговорил наконец Дронго. — В доме, куда приехал ваш муж, находился консьерж. Рядом стоял автомобиль с офицерами полиции. Квартира была заперта. Нашли записку вашего мужа. У него были некоторые финансовые проблемы, возможно, не очень существенные, но были. И еще экспертиза, проведенная патологоанатомами...

— А эта запонка? — с надрывом напомнила она. — Я тоже все эти годы пыталась поверить в то, во что нельзя было поверить. Но в душе была убеждена, что моего мужа убили. Абсолютно убеждена, вопреки всем доводам. Утром он надел рубашку, пристегнул запонки. Затем поехал в дом своего отца. И вдруг одна его запонка оказалась за подоконником. А окно — закрытым. Теперь я точно знаю, что в этой квартире был кто-то еще. Кто-то посторонний, кто закрыл тогда окно.

Лилия посмотрела на пустой стакан, и Дронго, не дожидаясь ее просьбы, снова его наполнил. Но она не дотронулась до него, глядя на своего собеседника так, словно ожидала его приговора.

— Вы хотите, чтобы я все проверил? — по-

нял Дронго. — Но вы должны понимать, что прошло уже много лет. Это не так просто...

— Я все понимаю. — Она нервно сжала сумочку в руках. — Мне неудобно об этом говорить. Я продала квартиру отца моего мужа, и у меня есть деньги, которые мне абсолютно не нужны. Простите, что я говорю об этом. У нас с Армандом не было детей. У него есть дочь от первого брака, и я перевела ей половину денег. Оставшуюся сумму я готова выплатить вам в качестве вашего гонорара. У меня единственная просьба, чтобы вы нашли наконец, кто убил моего мужа. Кто совершил это чудовищное преступление, оставив меня одну в этом мире? Я хочу знать правду, какой бы страшной она ни была. И прошу вас мне помочь... Мне осталось не так долго жить, и у меня нет времени, — добавила она через секунду.

В комнате опять наступило тягостное молчание. Эдгар старался не смотреть на Дронго. Похоже, он лучше Лилии понимал всю бесперспективность предстоящих поисков. Спустя одиннадцать лет после смерти Арманда Краулина предстоит найти его убийц. Это практически невозможно. Лилии в тактичной форме следовало отказать. Дронго смотрел на сидящую перед ним женщину и думал. Отказать ей означало окончательно добить несчастную сво-

им ответом. Она пришла сюда с последней надеждой. Он вспомнил другую женщину, тоже из Латвии, с которой познакомился в Севилье. Молодую и красивую женщину, жизнь которой оказалась разделенной пополам: до Севильи и после. Если сегодня он откажет своей гостье, у нее больше не останется никаких шансов. И времени, чтобы найти другого эксперта. Ей просто никто не поверит. Хотя, возможно, найдется какой-нибудь прохвост, который согласится взять деньги и будет тянуть до последнего, понимая, что времени у нее остается совсем немного.

Дронго незаметно рассматривал свою гостью. Ухоженная, с красиво уложенными волосами, аккуратно одетая, она явно не собиралась сдаваться. Такая женщина будет держаться до конца. Но согласиться на предлагаемую ею авантюру — значит поступить безнравственно. Если ее муж действительно совершил самоубийство, то все поиски ничего не дадут. А все факты указывают именно на самоубийство. Выходит, нужно отказать. Отказать ей в последнем милосердии. Но неужели он способен на такой поступок? И как потом будет вспоминать этот ее визит?

— Давайте сделаем так, — предложил Дронго, — я поеду с вами в Ригу и попытаюсь что-ни-

будь выяснить. Ни о каком гонораре не может быть и речи, пока я не найду других фактов, подтверждающих вашу версию. Вы оплатите мне дорогу и проживание. Все остальное только после того, когда я завершу расследование.

— Спасибо, — взволнованно произнесла она, — я согласна на любые условия.

— Тогда договорились. Завтра поедем в Ригу вместе. Или полетим?

— Как вам удобно. Мне все равно.

Потом она пожала ему руку и вышла из квартиры. Эдгар понимающе кивнул и мягко дотронулся до плеча Дронго.

— Я ее провожу, — сказал он.

Через полчаса Вейдеманис позвонил Дронго.

— Не знал, что все так безнадежно, — признался он. — Ты думаешь, тебе нужно ехать в Ригу? Может, мне попытаться объяснить ей, что ты занят?

— Я поеду, — твердо заявил Дронго. — На счет заповни она права. Если есть хоть один факт, не укладывающийся в систему других фактов, то его нужно проверить.

— Ты делаешь это из жалости к ней, — предположил Вейдеманис. — Я же тебя знаю. Тебе ее просто жалко.

— Да, — подтвердил Дронго, — мне ее очень жалко. Она держится из последних сил, пони-

мая, что ничего хорошего впереди нет. Ужасно, ведь она сравнительно молодой человек. Ты видел, как она одета, как ведет себя, как разговаривает? Если бы каждый из нас с таким мужеством и достоинством принимал смерть, то жизнь была бы намного лучше. Я поеду в Ригу, Эдгар, и подозреваю, что ты знал об этом еще вчера, когда звонил мне.

Вейдеманис в очередной раз промолчал. Его молчание, как всегда, было красноречивее всяких слов.

ГЛАВА 2

В рижском аэропорту их встречал племянник Лилии Краулинь — молодой двадцатипятилетний парень, приехавший за ними на своей старенькой «Ауди». Было очевидно, что это его первая машина, купленная на собственные деньги, и он чрезвычайно гордился таким обстоятельством, весело рассказывая Дронго о ее достоинствах. Но при взгляде на тетку глаза молодого человека каждый раз становились озабоченными. Они переехали на другой берег Даугавы, где в отеле «Радиссон» для Дронго был заказан одноместный номер. Ночной рейс из Москвы прибыл в Ригу очень поздно, и Дронго договорился встретиться со своей спут-

ницей на следующее утро. После чего поднялся в свой номер, выходящий окнами на другую сторону от реки. Положив сумку, он услышал какой-то гул, будто бы доносившийся снизу. Дронго открыл окно и высунулся наружу. Похоже, под ним работала система кондиционирования воздуха, издавая этот громкий, надоедливый шум. Он поморщился, закрыл окно, затем спустился вниз, к портье.

— Извините меня, — сказал Дронго по-русски, — но мне кажется, что в моем номере слишком шумно. Вы не могли бы поменять мне номер? У меня пятьсот сорок шестой номер.

— Сейчас посмотрю, — ответил портье. Набрал код на компьютере, он взглянул на экран и утвердительно кивнул головой. — Пожалуйста, девятьсот двадцать третий. Ваши вещи перенесут.

Через несколько минут Дронго был уже в другом номере, окна которого выходили на реку. На другой ее стороне ярко светились огни старой Риги. Дронго сел на кровать. Как давно он здесь не был! В молодости он очень любил приезжать сюда вместе с родителями. Юрмала и Сигулда, какие давние воспоминания! Прибалтика всегда казалась немного за границей, здесь был некий европейский шарм, который не мог исчезнуть даже за несколько десятиле-